

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Я. Я. Рогинский. Об истоках возникновения искусства. М.: Изд-во МГУ, 1982, 32 с.

Профессиональные искусствоведы редко обращаются к анализу первобытных истоков искусства, предпочитая ограничиваться изучением его развитых форм. Отдельные работы, появляющиеся время от времени¹, не используют всей полноты накопленной информации об отдельных конкретных памятниках палеолитической живописи и скульптуры и чаще всего бывают умозрительны при истолковании как сюжетов первобытного искусства, так и бытовой обстановки, в которой оно возникло. Наибольший вклад в исследование памятников палеолитического искусства всегда принадлежал археологам, ими найдены и исследованы пещеры с живописью, стоянки с костяной и глиняной скульптурой, рисунки на камне и кости. И на русском языке наиболее крупные труды по палеолитическому искусству на протяжении последних десятилетий принадлежат перу археологов Э. А. Абрамовой, С. Н. Замятнина, А. П. Окладникова, А. Д. Столяра, А. А. Формозова и др.

Однако феномен искусства так сложен, так многообразны его формы и их функциональное значение в рамках культурной системы, так велико влияние искусства на все аспекты общественной жизни на протяжении истории человечества, что проблема происхождения и смысла искусства является одной из ключевых в исследовании человеческой культуры, в ходе истории к ней неоднократно обращались, обращаются и сейчас философы и историки, искусствоведы и психологи, социологи и естествоиспытатели, этнографы и фольклористы. Тем интереснее обращение к этой теме крупного антрополога, уже выступавшего ранее с интересной трактовкой смыслового содержания искусства и выделения в нем двух отдельных, хотя и зависимых одна от другой сфер — искусства-образа и искусства-ритма². В рецензируемой брошюре развивается этот плодотворный подход и аргументируются некоторые соображения о месте искусства в жизни палеолитического человека и его значении в истории первобытного общества.

Книжка иллюстрирована прорисовками палеолитической живописи и скульптуры, многочисленных поделок из кости и камня, непосредственно не связанными с самим текстом, но дающими неспециалисту достаточно широкое представление о характере палеолитического искусства и соответствующими свободной манере авторского повествования. Известный импрессионизм, присущий этой манере, хорошо соединяется с предметом исследования, образует с ним органическое целое, ибо все написанное об искусстве в строго научной манере как-то обедняет саму тему, вызывая известный протест и сожаление об отсутствии эмоционального чувства и радости от общения с искусством.

Вводя в тему, автор кратко, но выразительно рассказывает об основных этапах истории изучения палеолитического искусства, особо останавливаясь на драматических событиях последних десятилетий XIX в., когда пещерная живопись была только что открыта и на первых порах сторуко объявлена подделкой; излагает современные взгляды на ее датировку и периодизацию, приводит осуществленные А. Леруа-Гураном подсчеты числа разных сюжетов в картинных галереях палеолита. Но все эти сведения справочного характера нужны именно как ввод в тему, они играют второстепенную роль на фоне попытки разобраться в том, что собою представляло первобытное искусство в системе ценностей палеолитической культуры вообще и как его возникновение и развитие соотносится с этапами физической эволюции человека на протяжении палеолита. Антропологическая специализация как нельзя лучше помогает ответить на эти вопросы, особенно на последний из них.

Не касаясь сначала ряда специальных моментов, аргументированных на рецензируемых страницах, хочу отметить их материалистическую направленность и их значение в марксистском истолковании палеолитического искусства, как демонстрации материальной, в какой-то мере даже утилитарной роли искусства в первобытных верхнепалеолитических коллективах. Этот аспект освещается в разделе «Каково же было назначение искусства позднего палеолита?». Анализ магического содержания палеолитического искусства, его роли через магию в трудовой деятельности составлял содержание многих работ советских исследователей, но, пожалуй, нигде связь искусства с материальной жизнью верхнепалеолитического человека не была подчеркнута с такой многосторонностью. Эта связь иллюстрируется автором демонстрацией познавательных аспектов искусства, особенно в области счета, ролью его как сплачивающей коллектив общественной силы, отражением в искусстве познания ландшафтно-географических условий, в которых жили палеолитические люди. Строгий материалистический подход в противовес часто постулируемой в буржуазной науке узкоэстетической оценке палеолитического искусства отчетливо выражается и в дифференциации эмоционально-семантической природы искусства на искусство ритма и искусство образа. В то же время подобная дифференциация проводится очень осторожно и тактично, автор сам показывает, как сложно переплетаются оба мотива в конкрет-

¹ См., например: Корчаков В. А. К проблеме генезиса изобразительного искусства.— Сов. искусствознание, 1978, в. 1. М.: Сов. художник, 1979.

² Рогинский Я. Я. Изучение палеолитического искусства и антропология.— Вопросы антропологии, 1965, в. 21.

ных памятниках и как неправилен чисто формальный путь подразделения тех или иных сюжетов даже раннего искусства по этим двум категориям.

Большого внимания и дальнейшего обсуждения, с точки зрения рецензента, заслуживают и многие другие положения, выдвигаемые Я. Я. Рогинским. Не отрицая у неандертальца, вслед за А. Д. Столяром и А. А. Формозовым, усложненной духовной жизни, служившей основой, на которой расцвело искусство верхнего палеолита, он в то же время правомерно показывает неразрывную хронологическую связь возникновения искусства с появлением *Homo sapiens*, вполне справедливо полагая, что в рамках развитой культуры современного человечества, в системе усложненной трудовой деятельности и разветвленной социальной организации общества искусство нужно не только обществу, но и отдельной личности. И автор убедительно объясняет, почему искусство удовлетворяет в своих образах мечту человека о порядке и гармонии в постоянно меняющемся и конфликтном мире и в то же время своими ритмами возвращает по природе своей аритмичному сознанию человека согласие со стабильными ритмами самого организма. Несколько цитат из античных и классических западноевропейских философов, затрагивавших ту же тему, очень оживляют текст соответствующего раздела, озаглавленного «Какая же главная особенность искусства?».

В то же время хотелось бы отметить неполноту изложения данных, относящихся к познавательной сфере палеолитического искусства. Автор опирается на работы Б. А. Фролова по истолкованию повторяющихся нарезок на поделочных предметах в качестве следов нарождающегося счета. Б. А. Фролов выявил особое значение числа 7 в этом счете, аргументировав это как значением этой цифры в астрономических явлениях (лунный календарь и т. д.), так и физиологическими особенностями человеческой психики, в частности ограниченностью одновременной памяти человека, запоминанием максимум семи объектов. Это последнее важное обстоятельство выпало из изложения. Выпало и изложение работ американского исследователя А. Маршака, которые содержат богатый набор наблюдений, дополняющих наблюдения Б. А. Фролова.

В целом рецензируемая брошюра заслуживает высокой оценки как серьезный вклад в изучение функций изобразительного искусства в палеолите.

В. П. Алексеев

НАРОДЫ СССР

Социальные перемещения в студенчество. (По материалам социологических исследований в Советской Прибалтике)/Отв. ред. Титма М. Х. Вильнюс: Минтис, 1982. 280 с.

Характерной чертой развития научного знания в нашей стране в последние годы является повышение интереса специалистов разных научных дисциплин к проблемам и методам смежных наук. Тесная взаимосвязь всех процессов и явлений в современном мире диктует необходимость все более широкого контакта, сотрудничества и взаимобогащения специалистов разных отраслей знания, без чего уже невозможно полное и всестороннее решение конкретных задач в той или иной области исследования.

Вопросы развития социальной структуры народов постоянно находятся в поле зрения этносоциологов и этнографов. «...Этнографическое изучение современных национальных процессов предполагает не только выявление изменений собственно этнических параметров нации, но и раскрытие зависимости такого рода изменений от их социально-экономической динамики»¹. Совершенствование социальной структуры нации, рост ее наиболее квалифицированных отрядов, в том числе интеллигенции, служат одним из важнейших показателей национального развития. Народы и отдельные регионы существенно различаются не только по численности, но и по отраслевому составу интеллигенции, а также по распределению ее между городом и селом и т. д. Эти вопросы, имеющие как теоретическое, так и практическое значение, привлекают сейчас все более пристальное внимание социологов, экономистов, историков и других исследователей². Они занимают особое место во Всесоюзном исследовании, проводимом Сектором конкретных социальных исследований культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» под руководством Ю. В. Арутю-

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 359.

² См., напр.: Формирование и развитие советской многонациональной интеллигенции. Материалы Всесоюзной научной конференции «Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма». М., 1979; Гафт Л. Г., Игитханян Е. Д. Некоторые особенности воспроизводства советской интеллигенции. (На материалах республик Прибалтики).— В кн.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. Тезисы докладов. Уфа, 1980; Руткевич М. Н. Сближение национальных республик и наций СССР по социально-классовой структуре.— Социологические исследования, 1981, № 2; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татар. АССР. М.: Наука, 1973; Арутюнян Ю. В., Кахк Ю. Социологические очерки о советской Эстонии. Таллин, 1979; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980.